

?

Дверь автомобиля распахнулась. Чу Мянью поднял глаза, и в тот самый миг, когда он увидел Жуань Цинжана, зазвонил его телефон.

Взгляд Чу Мянью замер на имени «Юнь», высветившемся на экране. Его палец на мгновение завис над кнопкой сброса, но в итоге всё же скользнул в сторону, принимая вызов.

Из трубки донеслись невнятные, шумные звуки, от которых Чу Мянью недовольно нахмурился. Он резко поднял руку и крепко перехватил запястье человека, который уже собирался уйти, и спросил:

- Что случилось?

В трубке раздался голос Чу Юня:

- Отпусти его.

Что?

Освобожденный У Чао, чьи эмоции зашкаливали, а разум был затуманен иступлением, в этот миг жаждал лишь одного - убить Чу Юня. Как только хватка разжалась, он, не раздумывая, с яростью бросился в сторону Чу Юня. Его глаза налились кровью:

- Чу Юнь, твою мать! Я, блять, сказал - твою мать! Слышишь?!

Грязная брань эхом разносилась по салону.

Жуань Цинжан нахмурился. Рука, сжимавшая его запястье, давила слишком сильно, причиняя ощутимую боль. Он посмотрел на Чу Мянью, чья нижняя часть лица была видна в проеме дверной рамы. Помолчав несколько секунд, он осторожно высвободил свою руку.

Чу Мянью, даже не взглянув на него, спросил в телефон:

- Где ты? Кто это?

С другой стороны открылась дверь, и Жуань Цинжан сел в машину. Цзян Кэянь плотно закрыл дверь со стороны Чу Мяня и молча замер в ожидании.

Внутри салона раздался спокойный голос Жуань Цинжана, который ответил на предыдущий вопрос Чу Мяня:

- Чу Юнь тоже здесь.

Чу Юнь уже дал ему ответ.

Чу Мянй повесил трубку и нажал на кнопку стеклоподъемника:

- Сделай так, чтобы у этого человека и всех связанных с ним проектов возникли необратимые нарушения контрактов.

Цзян Кэянь спокойно, без тени сомнения, ответил:

- Понял, я немедленно свяжусь с господином Цинем.

Ли Чжися потребовалось приложить все свои силы, чтобы удержать Чу Юня, обхватив его за талию. Он совсем взмок от пота, а в ушах звенело от предельного напряжения. Только когда Чу Юнь взял его за руку, Ли Чжися наконец замер. Почувствовав, что тот не собирается его отталкивать, он слегка ослабил хватку и, всё еще дрожа, встретился с ним взглядом.

Территория была быстро оцеплена. Телохранители снова встали между У Чао и Чу Юнем - точнее, они преграждали путь У Чао, не давая ему приблизиться. Менеджер не мог позволить себе обидеть ни одного важного гостя, поэтому выбрал того, кого обидеть было опаснее всего, и твердо встал на его защиту.

Конечно же, этим человеком был Чу Юнь.

Чу Юнь холодно смотрел на У Чао, и его голос звучал пугающе спокойно:

- А теперь вызывай полицию.

- Мне тебя слушать?! Чу Юнь! Ты правда думаешь, что в Тяньчэне ваша семья Чу может вертеть всем как хочет?! Если я сегодня тебя не прикончу, то я не У! - взревел У Чао, отчаянно пытаясь вырваться из захвата.

Чу Юнь изогнул губы в холодной, пугающей усмешке.

- Правда? - он развернулся и неспешно вернулся на свое место. - Я подожду.

Он даже поманил менеджера пальцем, приказывая принести ему что-нибудь выпить.

Ли Чжися стоял в стороне, закрыв глаза и глубоко дыша. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь понять, с чего именно стоит начать решение этой проблемы.

- Молодой господин.

Ли Чжися резко открыл глаза и, увидев вернувшегося Цзян Кэяня, невольно вздрогнул. Чу Юнь даже не поднял головы и холодно произнес:

- Здравствуй, помощник Цзян.

Цзян Кэянь прошел мимо застывшего Ли Чжися и подошел к У Чао:

- Господин У Чао, полагаю, вы не ответили на звонок отца. Я пришел по приказу, чтобы напомнить вам об этом.

Он развернул экран своего телефона к У Чао.

- Ты кто такой, блять?! - выругался У Чао. - Думаешь, напугаешь меня своим телефоном?!

Цзян Кэянь не изменился в лице. Он убрал телефон и включил громкую связь. В помещении раздался яростный, почти срывающийся на визг голос мужчины средних лет:

- Скотина! Негодяй!! Какую, твою мать, беду ты на меня навлек?! Если хочешь сдохнуть, не тяни за собой всю семью!! Немедленно! Сейчас же встань на колени и проси прощения! Слышишь?!

Ярость и высокомерие У Чао мгновенно испарились.

- Ублюдок, ты действительно заслуживаешь смерти! Черт возьми, жди меня, сегодня я тебя убью!

Алкогольный угар стремительно отступал. В телефоне не прекращались грязные ругательства; гнев и страх господина У эхом отдавались в пустом зале.

- Ты - непутевый сын!! Как я мог породить такого выродка!!! Ох... ох...

- Дорогой!

Лицо У Чао стало мертвенно-бледным.

Чу Юнь не хотелось больше этого слушать. Он встал и подошел к Цзян Кэню. Его взгляд скользнул по смертельно бледному У Чао:

- Только не вздумайте его отпускать.

Цзян Кэнь слегка поклонился:

- Понял.

Услышав столь четкий и решительный ответ от всегда осторожного в словах Цзян Кэня, Чу Юнь недобро улыбнулся, окончательно убедившись, что его старший брат на его стороне.

- А если всё же вызовешь полицию, - Чу Юнь склонил голову, глядя на окончательно обмякшего У Чао, - можешь пригласить их прямо ко мне домой, я всегда рад, - сказав это, он зашагал прочь. Ли Чжися, не забыв прихватить пальто молодого господина, поспешно последовал за ним.

Менеджер в панике бросился вдогонку:

- Господин Чу, господин Чу, подождите! Это чудовищное недоразумение! Наш директор Чжао уже в курсе и едет сюда, он обязательно принесет вам личные извинения!

Чу Юнь шел широким, уверенным шагом. Ли Чжися вовремя повернулся, преграждая путь слишком настойчивому менеджеру, и спокойно ответил:

- Вы слишком любезны. Передайте директору Чжао, что не стоит беспокоиться. Этот маленький инцидент сегодня вечером наверняка нанес вашей компании немалый ущерб, поэтому позже с вами свяжется специальный человек для урегулирования всех вопросов по

компенсации.

Менеджер покрылся холодным потом:

- Нет-нет, господин Чу всегда поддерживал нашу работу, в этот раз мы проявили невнимательность, пожалуйста, дайте нам шанс всё исправить...

Лифт открылся. Ли Чжися встал перед дверью, окончательно преграждая путь менеджеру, и протянул свою визитку.

- Пожалуйста, свяжитесь со мной в любое время.

Двери лифта закрылись. Оставшись вдвоем, Ли Чжися уставился на закрытые створки, боясь даже вздохнуть. Телефон зазвонил именно в этот момент. Ли Чжися украдкой взглянул на экран: пришло окончательное подтверждение по координации рейса. Он не знал, хорошая это новость или плохая.

«Дзинь» - лифт открылся.

Ли Чжися очнулся, поспешно отошел в сторону, пропуская Чу Юня, и они один за другим сели в машину.

- Чжися, - Чу Юнь смотрел прямо перед собой с бесстрастным лицом, - я его спонсор?

В голове Ли Чжися раздался грохот, будто рухнуло небо. Вопрос был настолько внезапным и неожиданным, что застал его врасплох. Если рассуждать логически, э-э, или с любой другой точки зрения, э-э, кажется, действительно... да.

Но...

Ли Чжися не знал, что ответить. По крайней мере, он сам так не считал. Но он не знал, каким будет следующий вопрос молодого господина, и не понимал, как правильно ответить.

В отношении к Ши Цзяню Чу Юнь сам был в замешательстве, как и все сторонние наблюдатели. Даже Ли Чжися, который стоял на самом краю бури и видел всё своими глазами, не мог дать этому четкого определения. Особенно учитывая, насколько чувствительны их

статусы. Стоило им оказаться рядом, как всё преувеличивалось: молодой господин из богатой семьи и актер, прославившийся после одной роли – как ни крути, это порождало двусмысленные толкования.

Ли Чжися тихо вздохнул про себя. Чтобы не слышать подобных разговоров, им нужно было полностью расстаться и прекратить любые контакты, иначе избежать слухов было невозможно.

- Отмени, - не дожидаясь ответа Ли Чжися, сказал Чу Юнь.

Промучившись день и ночь, они вернулись к исходной точке.

- Я не хочу больше в Париж, - произнес Чу Юнь.

Машина тронулась, и Чу Юнь стал смотреть на ночной пейзаж, проплывающий за окном. Усталость нахлынула с опозданием, поглощая прежнюю ярость, раздражение и безрассудные порывы. Ему вдруг очень захотелось спать.

Сквозь неплотно задернутые шторы пробился лучик света, упав на обнаженную тыльную сторону ладони. Его брови сдвинулись еще сильнее, а в сердце отозвалось пустое эхо.

«Чу Юнь...»

«Снимать кино – это как сажать семя в сердце зрителя».

«Мы не можем управлять тем, как оно пустит корни и прорастет, всё, что мы можем сделать – это быть искренними».

«А во что оно вырастет – это уже личный жизненный опыт каждого зрителя».

«Поэтому не сомневайся в себе, просто запомни одно: с того момента, как я выбрал тебя, ты и есть он».

«Не нужно сомневаться, ты ли это. Каждый твой вдох, каждый удар сердца – это доказательство того, что он по-настоящему существует в этом мире».

«Он – это ты».

«Ты – это он».

Холодная улица, поношенный шарф, пальцы, дрожащие от пронизывающего холода... обмороженные руки неловко сжимали смычок.

Может быть, это вовсе не ветер и снег вонзались в тело? Фу Сяньчжи не был уверен, но ему казалось, что каждый прохожий смотрит на него с нескрываемой ненавистью, словно вонзая в него невидимые ножи.

Они наверняка были равнодушны, полны презрения и насмешек... они «наслаждались» падением звезды.

Унижение... беспомощность...

Какое слово выбрать? Какое из них лучше всего опишет этого опустившегося бродягу?

Раздались первые звуки музыки.

Дрожь. Ноты были полны невыносимой неловкости и смущения. Слезы невольно хлынули из глаз, рука задрожала еще сильнее, и звуки скрипки стали рваными, больше похожими на стон умирающего.

Они остановились? Неужели смотрят на него? Наверняка как на обезьяну в зоопарке... с высокомерными усмешками или дешевой, бесполезной жалостью...

Дыхание становилось всё чаще и чаще, и после высокой ноты резкий звук скрипки внезапно оборвался.

Смычок медленно опустился.

Фу Сяньчжи запрокинул голову, не в силах больше стоять; он пошатнулся и тяжело ударился о холодную стену. Крупные хлопья снега таяли на его лице. Было невыносимо холодно, а лопатки ныли от удара о красный кирпич.

Кадык дернулся, ресницы задрожали.

Мир вокруг стал абсолютно пустым.

Снег попал в глаза музыканту, смывая слезы, и мир снова стал ясным. Серый мир, белый снег и спешащие прохожие – их было так много, именно так, как он и представлял...

Только никто из них даже не взглянул в его сторону, никто не остановился, чтобы послушать его игру.

Растерянность в глазах копилась, пока, смешавшись со снегом, не переполнила их и не скатилась на землю.

Монета пробила слой снега и с тихим звоном упала у его ног.

Фу Сяньчжи оцепенело смотрел на нее, долго не решаясь обернуться. Тот, кто подал милостыню бродяге, уже успел исчезнуть в толпе.

Он наклонился, поднял монету из снега и вдруг начал смеяться. Сначала смех был беззвучным, только плечи судорожно тряслись, но затем вырвался низкий, хриплый, прерывистый звук, который становился всё громче и громче. На этот раз безумный хохот наконец привлек внимание прохожих.

Они обернулись, с недоумением глядя на грязного бродягу, сжимающего в руках скрипку, украденную неизвестно где. Они смотрели, как он зажал монету в зубах и издал странный, всхлипывающий смех.

– Снято! – крикнул режиссер, давая команду «стоп» и тем самым разрушая магию сцены.

Свет в павильоне медленно загорелся, но Ши Цзянь не пошевелился. Он застыл посреди декораций, медленно прислонившись к стене и дрожащими пальцами сжимая монету, которую всё еще держал во рту.

Персонал начал расходиться, вокруг послышались приглушенные звуки уборки оборудования.

Все, должно быть, смотрели на него оценивающим взглядом, словно пытаясь вскрыть его скальпелем, разрезать рваную одежду, рассечь кожу, чтобы заглянуть внутрь – было ли это восхищением или насмешкой? Каким именно способом они хотели его разобрать на части...

- Киноактер всё-таки киноактер.

- Потрясающе. Раньше я думал, что он переоценен, но сегодня он настолько полностью погрузил меня в игру, что меня аж холодный пот прошиб...

- Не зря режиссер Чжэн так настаивал на его кандидатуре, какая невероятная сила воздействия...

Обрывки разговоров доносились до него, но Ши Цзянь слышал их смутно, словно сквозь толщу воды. Огромные, бушующие эмоции всё еще сталкивались внутри него и эхом отдавались в груди; он не мог остановиться, отчаянно желая найти выход.

Он хотел заплакать.

Но не мог.

После окончания съемок глаза, из которых только что могли течь слезы, стали совершенно сухими.

Чжэн Юаньшэн поднял руку, останавливая тех, кто хотел побеспокоить Ши Цзяня, и продолжал внимательно смотреть на фигуру на мониторе.

Ши Цзянь потирал монету, опустил взгляд на смычок в руке и едва заметно шевельнул губами.

- Фу Сяньчжи, - тихо позвал он.

Мужчина в поношенном пальто с тонкими чертами лица сидел напротив, мягко и печально

глядя на него, словно старый друг, ожидающий понимания, и изящно кивнул в ответ.

- Здравствуй, - ответил Фу Сяньчжи.

- Вот оно что... - Ши Цзянь пристально смотрел на него.

И тихо сказал самому себе:

- Я наконец начинаю узнавать тебя.

Ши Цзянь опустил голову и закрыл глаза рукой.

- Кто ты?

Ши Цзянь не мог издать ни единого звука.

- Играй! - кто-то резко прикрикнул ему прямо на ухо. - Ты же гений, разве нет? Разве ты не чудо с Востока?

Занавес театра медленно поднялся, и зрительный зал оказался полон людей. Бесчисленные черные глаза смотрели на него, с нетерпением ожидая увидеть падение гения.

- Нет... - прошептал он, спотыкаясь на ровном месте.

Упав на землю, в тот самый миг, когда он поднял голову, он вдруг увидел, что Чу Юнь стоит в первом ряду зрительного зала - бледный и холодно глядящий на него.

Эта пронизывающая холодность вырвала Ши Цзяня из кошмара. Он протянул руку, коснулся лица Чу Юня и тихо, с облегчением вздохнул.

- Чу Юнь, - нежно позвал он.

Чу Юнь взял его руку, лежащую на щеке, и спросил:

- Больно?

Он медленно покачал головой.

- Чу Юнь, - снова позвал он.

- Я же сказал, что единственное безопасное место - рядом со мной, - произнес Чу Юнь. - Возвращайся ко мне.

Ши Цзянь сжал его руку, не в силах сдержать внезапное, острое желание поцеловать его.

- Последнее достоинство метода погружения.

Ши Цзянь замер.

- Сыграть того, кого я люблю, - вот твоё главное достижение в жизни.

Чу Юнь опередил его, жадно припав к его губам; он укусил их, а затем кончиком языка слизнул выступившую каплю крови. Этот поцелуй был словно зазубренный крючок, намертво соединенный с сердцем; в тот момент, когда Чу Юнь отстранился, этот крючок прошелся от уголков губ до самой нежной плоти бьющегося сердца.

«Тук-тук...»

Ши Цзянь резко открыл глаза, чувствуя, как холодный пот пропитал спину. Он пришел в себя, вновь сфокусировав взгляд на страницах сценария, освещенных лампой.

- Господин Ши?

Ши Цзянь поднялся и закрыл сценарий. Оказалось, что голос не был слуховой галлюцинацией. Дверь открылась, и Ши Цзянь мягко улыбнулся стоявшему в проеме Сюй Вану, извиняясь:

- Я уснул.

Сюй Ван, увидев, что с ним всё в порядке, облегченно кивнул и протянул ему телефон:

- Ваш телефон разрядился? Помощник Ли не мог до вас дозвониться.

Ши Цзянь взял аппарат, увидел на экране имя Чжися и тихо выдохнул, и его голос вновь обрел прежнюю мягкость:

- Помощник Ли, извините, я заработался.

- ...Жив, и это уже неплохо.

Как только раздался этот голос, Ши Цзянь непроизвольно сжал ладонь.

Сюй Ван тихо прикрыл за собой дверь и ушел. Ши Цзянь повернулся и подошел к столу, на котором только что спал, потирая пальцами отмеченную строчку текста.

- Заставил тебя волноваться, - мягко произнес он.

- Хорошо, что ты это понимаешь, - донесся из трубки голос Чу Юня.

Ши Цзянь замер, прижав пальцы к бумаге; он внезапно опустил глаза и облегченно выдохнул.

- Всё еще не спишь? - снова раздался голос Чу Юня, в котором на этот раз неожиданно не было привычных острых шипов.

От этого сердце Ши Цзяня болезненно сжалось в комок. Он улыбнулся, хотя собеседник этого не видел, и слегка покачал головой:

- Я уснул, поэтому не ответил на звонок.

- Значит, это я тебя разбудил?

Хотя он слышал лишь голос, Ши Цзянь уже отчетливо представил мужчину с приподнятыми бровями и слегка нахмуренным лбом - яркого и ослепительно красивого.

Он не знал, в какой именно момент Чу Юнь снова его простил. Простил за что? Ши Цзянь и сам не до конца понимал, но он совершил перед Чу Юнем слишком много ошибок, любой из которых хватило бы, чтобы тот наказал его «бесконечным разрывом связи».

Но Чу Юнь этого не сделал. Как и говорил Ши Цзянь, тот был настоящим филантропом.

- Ложись, - приказал Чу Юнь.

Ши Цзянь редко когда осмеливался не следовать его приказам, но сейчас он просто притворился, что лег.

- Спи послушно, - командовал Чу Юнь. - И запомни: если я сказал, что тебе можно, никто в этом мире не посмеет сказать, что нельзя.

Ши Цзянь не понимал, почему он это сказал, но покорно ответил:

- Хорошо.

- В клубе появились дела, я пришлю Чжися.

- Не нужно, - остановил его Ши Цзянь.

Он не мог разгадать истинную причину, по которой Чу Юнь хотел приехать. Они всегда были на разных волнах, но Ши Цзянь точно знал, как правильно ответить.

- Слышать твой голос - уже достаточно.

На том конце трубки воцарилась тишина.

- Цэ, - Чу Юнь нетерпеливо взъерошил волосы. - У кого ты научился такой привязчивости?

Привязчивости?

Ши Цзянь удивился выбору слов молодого господина, но не стал спорить.

- Закрой глаза, - сказал Чу Юнь. - Я буду работать и не повешу трубку, пока ты не уснешь.

Был ли это очередной сон? Бодрствует ли он на самом деле или нет?

Ши Цзянь замер, глядя на бегущие цифры таймера вызова, словно мир прошлого пересобрался заново, вошел в параллельный цикл и вернулся к той же точке, породив совершенно иной результат.

- Хорошо, - тихо ответил он.

Затем он отложил телефон, продолжая смотреть на экран с активным вызовом. Его сердце сжалось в комок, болезненно и медленно пульсируя, отдаваясь огромным, пустым эхом в груди.

В комнате горела лишь одна настольная лампа, освещающая высокого мужчину, который стоял у стола и глупо смотрел на экран телефона, не издававшего ни звука.

Он всегда знал, что эта бесконечная терпеливость и нежность предназначались вовсе не ему.

Его пальцы прижимали строчку, которую он подчеркнул в сценарии:

«Я всегда искал свой собственный голос, но до сих пор слышу лишь эхо».

У Чао: Киноимператор Ши, ты счастлив? Я заплатил за это своей жизнью.

<http://bllate.org/book/17941/1720638>